

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 05.01.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-12-48-50

СОСНОВСКИЙ Евгений Сергеевич,
преподаватель Санкт-Петербургского государственного
университета аэрокосмического приборостроения,
e-mail: jacksos730@gmail.com

НЕСООТВЕТСТВИЕ ВОЗРАСТНЫХ ПОРОГОВ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В данной статье рассматривается необходимость увеличения возраста получения социальной поддержки как продолжения демографической политики государства, направленной на адаптацию к старению населения.

Ключевые слова: демография, социальная поддержка, образование, социальное государство, старение населения.

SOSNOVSKY Evgeny Sergeevich,
Lecturer at the St. Petersburg State University
of Aerospace Instrumentation

MISMATCH OF AGE THRESHOLDS FOR SOCIAL ASSISTANCE AND STATE DEMOGRAPHIC POLICY

Annotation. This article examines the need to increase the age for receiving social support as a continuation of the state's demographic policy aimed at adapting to population aging.

Key words: demography, social support, education, welfare state, population aging.

В рамках демографической политики современной России акцент делается на увеличение возраста трудоспособного населения, однако не идёт параллельного увеличения возраста получения социальной поддержки.

Согласно данным Росстата за 2024 год, средний возраст жителей страны достиг 41 года, что подчёркивает тенденцию к постепенному старению нации. Как отметил министр здравоохранения Михаил Мурашко, к 2030 году около четверти населения страны составят лица старше 60 лет, и этот показатель продолжит расти в последующие годы.

Этот демографический «сдвиг», проявляющийся в устойчивом росте доли пожилых граждан, давно признан на государственном уровне. В частности, активно обсуждается предложение о расширении категории молодёжи до 45 лет, в то время как действующий Федеральный закон определяет её в рамках от 14 до 35 лет. Это решение вполне разумно, учитывая удлинение активной фазы жизни [3].

Наблюдаемое увеличение среднего возраста населения побуждает государство к адаптации нормативной базы. Примером служит пенсионная реформа, инициированная Федеральным законом от 03.10.2018 № 350-ФЗ «О внесении

изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий», которая повысила возраст выхода на пенсию. Эта мера, направленная на баланс бюджета в условиях демографического старения, тем не менее усиливает разрыв между официальными возрастными категориями и фактическими нуждами общества [2].

Помимо пенсионных изменений, недавнее повышение возраста призыва в армию до 30 лет, хотя и мотивировано геополитическими факторами, вписывается в общую демографическую стратегию государства. Это решение отражает попытку оптимизировать человеческий ресурс, учитывая сдвиг в возрастной пирамиде, где молодые поколения становятся менее многочисленными.

Так, социальная поддержка, которая в данный момент ориентирована на устаревшие возрастные рамки, должна полностью быть синхронизирована с актуальной демографической политикой государства.

Продолжая рассмотрение демографической политики России, направленной на приспособление к увеличению продолжительности жизни и росту среднего возраста населения, следует отметить наблюдаемый диссонанс в механизмах социальной поддержки.

В частности, о корректировке верхнего возрастного предела для получения пособий, связанных с потерей кормильца и иных случаев.

Согласно Федеральному закону от 15 декабря 2001 года № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации», а именно в ст. 2, дети, достигшие 18 лет, но продолжающие обучение в образовательных учреждениях, сохраняют право на социальную пенсию по случаю потери кормильца до завершения учёбы, однако не позднее 23 лет. Аналогичная норма закреплена в Федеральном законе от 28 декабря 2013 года № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» в пп. 1, п. 2 статьи 10, где подчёркивается очная форма обучения как условие продления выплат.

Как видно, максимальный порог установлен на уровне 23 лет, что, по всей видимости, отражало реалии образовательной системы на момент принятия закона в 2001 году до присоединения России к Болонской системе образования в 2003 году. Тогда преобладал специалитет с продолжительностью около 5 лет, что логично укладывалось в рамки от 18 до 23 лет.

С внедрением Болонской модели, предполагающей бакалавриат (4 года) и магистратуру (2 года), общий срок высшего образования возрос до 6 лет, потенциально сдвигая завершение учёбы к 24 годам. Тем не менее, законодатели не инициировали соответствующую корректировку, игнорируя сдвиг в возрастной структуре студенчества.

Это несоответствие усугубляется для отдельных направлений, таких как медицинская подготовка, где специалитет длится 6 лет, а последующая ординатура добавляет ещё 2–5 лет, оставляя молодых специалистов, которые нуждаются в государственной помощи, без поддержки в период профессионального становления.

Однако на сегодняшний день из-за геополитических вызовов Россия отказалась от Болонской системы образования, с постепенным переходом на свою модель образования.

Тем не менее, предлагаемые альтернативы сохраняют многоуровневую структуру высшего образования: базовое высшее, что является аналогом бакалавриата, сроки обучения составляют около 4 или же 6 лет, специализированное, что сродни магистратуре, обучение составляет от 1 до 3 лет и профессиональное, что в свою очередь эквивалент аспирантуры. Такие изменения, по сути, не меняют общую продолжительность обучения, удерживая её в пределах шести лет, что подчёркивает преемственность в рамках продолжительности обучения.

Несмотря на это, базовая направленность демографической политики государства, ориентированной на возрастные изменения в структуре

населения, остаётся неизменной. Так, в связи с этим возникает необходимость пересмотра возрастных порогов в механизмах социальной поддержки.

Согласно данным Социального фонда РФ на 2025 год, из примерно 40,8 миллиона пенсионеров лишь 1,45 миллиона, что всего лишь около 3,55 %, получают пособия по потере кормильца. Учитывая текущую политическую обстановку в государстве, определённая доля этих получателей дети, чьи отцы пали жертвами героических обстоятельств. Государство обязано проявлять особую заботу не только о них, но и о всех уязвимых группах, адаптируя механизмы помощи к реальным демографическим реалиям.

В научном сообществе тема несоответствия возрастных критериев социальной поддержки демографическим сдвигам в России остаётся в стороне от обсуждений, привлекая ограниченное внимание специалистов и исследователей.

Тем не менее, стоит выделить позицию Л. А. Поповой и Е. Н. Зориной, которые отмечают, что, несмотря на нарастающие вызовы старения населения, государство обязано обеспечивать социальную поддержку населения, не оставляя без внимания незащищённый слой населения [4].

С другой стороны, исследователи, такие как О.С. Блохина, подчёркивают, что демографическое старение населения усиливает нагрузку на государственный бюджет. В результате это может привести к сокращению финансирования социальных программ и к дополнительным нагрузкам на бюджет. А повышение возрастных порогов для получения социальной поддержки, в свою очередь, увеличит число потенциальных получателей выплат, что напрямую отразится на финансовом состоянии государства [1].

Повышение верхних границ получения социальной поддержки может отразиться на увеличении экономически неактивного населения, что в свою очередь способно замедлить темпы экономического роста.

Однако следует напомнить о конституционных принципах, так как статья 7 Основного закона РФ провозглашает страну социальным государством, призванным обеспечивать условия для достойного существования и оказывать поддержку в уязвимых жизненных обстоятельствах, тем самым подчёркивая приоритет гуманитарных принципов над фискальными ограничениями [5].

Исходя из выше сказанного, отметим необходимость увеличения возраста получения социальной поддержки как продолжения демографической политики государства

Следует увеличить верхнюю границу возраста возможности получения социальной поддержки до 25 лет. Данные возрастные границы

установлены исходя из времени обучения на уровне бакалавриата и магистратуры, а в дальнейшем — базового высшего и специализированного уровня образования, в сумме которые дают около 6 лет. Однако добавленный год следует предусмотреть исходя из того, что законодатель не учитывает индивидуальные особенности окончания данных направлений: зачастую люди рождаются 31 декабря или 1 января, что может наложить отпечаток на возраст их поступления в образовательные учреждения; также учитывается, что человек мог на год позже поступить по тем или иным причинам; в некоторых случаях молодые люди проходят срочную военную службу. Поэтому увеличение границ помимо 6 лет (с 18 до 24) должно закладывать еще 1 год для подобных ситуаций

Исходя из этого предлагается внести изменения в Федеральный закон от 15 декабря 2001 года № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации», Федеральный закон от 28 декабря 2013 года № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» (подп. 1, п. 2 ст. 10) и иные НПА, которые касаются данного момента, а именно увеличение возраста для права получения социальной поддержки до 25 лет.

Список литературы:

[1] Блохина О.С. Анализ демографических факторов, влияющих на финансовую устойчивость пенсионных систем России и стран – участниц Организации экономического сотрудничества и развития // Экономика труда. 2023. Т. 10, № 9. С. 1421-1434.

[2] Казбекова З.Г., Калабихина И.Е. Прогноз динамики демографического дивиденда в России с учетом пенсионной реформы и пандемии // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2023. Т. 15, № 3. С. 68-82.

[3] Попадюк Н.К., Велиханов М.Т. Теоретические основы социальной работы с молодежью в контексте государственной политики Российской Федерации // Вестник университета. 2021. № 1. С. 164-171.

[4] Попова Л.А., Зорина Е.Н. Демографические аспекты постарения населения России в соответствии с новым экономическим порогом старости // Регион: экономика и социология. 2024. № 2. С. 81-104.

[5] Фаргиев М.О., Костоева П.М. Проблема реализации конституционных прав граждан Российской Федерации на социальное обеспечение // Российский научный вестник. 2025. № 1. С. 49-52.

References:

[1] Blokhina O.S. Analysis of demographic factors affecting the financial stability of the pension systems of Russia and the countries participating in the Organization for Economic Cooperation and Development//Labor Economics. 2023. VOL. 10, NO. 9. S. 1421-1434.

[2] Kazbekova Z.G., Kalabikhina I.E. Forecast of the dynamics of the demographic dividend in Russia, taking into account the pension reform and the pandemic//Scientific research of the Faculty of Economics. Electronic journal. 2023. VOL. 15, NO. 3. S. 68-82.

[3] Popadyuk N.K., Velikhanov M.T. Theoretical foundations of social work with young people in the context of state policy of the Russian Federation//University Bulletin. 2021. № 1. S. 164-171.

[4] Popova L.A., Zorina E.N. Demographic aspects of the aging of the Russian population in accordance with the new economic threshold of old age//Region: economics and sociology. 2024. № 2. S. 81-104.

[5] Fargiev M.O., Kostoeva P.M. The problem of the implementation of the constitutional rights of citizens of the Russian Federation to social security//Russian Scientific Bulletin. 2025. № 1. S. 49-52.

